

Н.В.МАРКОВА
Петрозаводск

К изучению синтаксических особенностей говоров

СЕВЕРНОГО ПОБЕРЕЖЬЯ ОНЕЖСКОГО ОЗЕРА

Северное побережье Онежского озера, и прежде всего Заонежье, отличает не только богатая фольклорная традиция, но и те интереснейшие языковые процессы, которые выделяют эту территорию на общем фоне онежских¹ и в целом северно-русских говоров.

На неоднородность говоров вокруг Онежского озера еще в XIX в. указывал П.Н.Рыбников: "... язык, которым говорит народ в Олонецкой губернии, изрезанной множеством озер, непроходимых болот и лесов, разделенной на четыре неравномерные полосы водами Онежского озера и раскинувшейся на огромном протяжении, распадается на множество разноречий не только по уездам, но даже и по волостям... Если оставить в стороне случайные изменения, производимые соседством кореликов и порчею языка у обруseвших корел, то из этого множества древнерусских особенностей выделяются два разных разноречия: а) заонежское и близкое к нему пудожское и б) каргопольско-вытегорское" [3, 336]. Эти же группы выделяет и Н. Шайкин, а главное отличие связывает с тем, что в заонежско-пудожских говорах "особенно сильно оказывается влияние карел" [4, 12].

¹ Говоры Заонежья входят в группу онежских говоров, которые составляют также говоры части Прионежского, Кондопожского, Медвежьегорского и Пудожского районов Карелии, Вытегорского района Вологодской области и Подпорожского района Ленинградской области — приблизительные географические координаты -34° — 37° в. д., 60° — 63° с.ш. На современной диалектологической карте представлена только часть территории онежских говоров бывших олонецких — до 62° с.ш. [1]. Северные границы онежских говоров определены по карте 1915 г. [2].

К настоящему времени внутри онежских говоров исследователи выделяют четыре территории: северное, восточное, южное и западное побережье Онежского озера, естественными границами которых оказывается само озеро, а также реки Свирь и Вытегра [5, 58; 6, 66; 7, 1–2]. На основании ряда синтаксических черт В.И.Трубинский на севере рассматриваемой территории особо выделяет Заонежье и говоры восточной части Медвежьегорского района [8, 181–184]. В наших материалах Заонежье входит в территорию северного побережья Онежского озера.

Речь жителей Обонежья хранит как древнейшие обороты, так и явления, не нашедшие отражения в памятниках русского языка.

Как свидетельствуют наши исследования в области синтаксиса онежских говоров, есть конструкции, частота употребления, структура и семантика которых на северном побережье Онежского озера несколько отличается от их функционирования в других онежских говорах [7, 20–21].

Так, глагольные конструкции с им. падежом семантического объекта типа *косить/кошу трава* на общем фоне современных северно-русских говоров, где форма им. падежа женского рода в единственном числе существительных на -а преобладает в безличных конструкциях типа *надо косить трава*, выделяется северная территория онежских говоров, где отмечается более высокий, чем в среднем по северно-русским говорам (18–22 % [9, 157]), процент примеров с им. падежом объекта при личных глаголах (26 % на северном побережье, 10 % на южном и 18 % и 18,6 % соответственно на западном и восточном [7, 7]).

Существенным отличием конструкций типа *кошу трава* является количественное выделение оборотов с неопределенно-личным и определенно-личным значением, например: *Раньше свету не было, а лучина жгли* (Кажма); *скотина-то гонят; рогатка тоже с ели делают и внизу такие кручки* (Типиницы); *раньше скотина держали* (Шуньга); *лей вода побольше* (Хашезеро); *налей чашка* (Типиницы). В связи с этим приведем очень важное наблюдение И. Б. Кузьминой: "Как известно, исходно употребление им. падежа имен на -а при переходных глаголах было связано с инфинитивными конструкциями, причем такими, где инфинитив не зависит от другой глагольной формы, т.е. с определенным типом предложения. С течением времени явление расширилось в плане структурном: из элемента, входящего в предикативную основу определенного типа, им. падеж стал превращаться в элемент, сочетающийся с переходным глаголом в любой его форме, – в компонент словосочетания. Однако для русского языка в целом, по-видимому, прежде временно было бы считать этот процесс завершенным: известное безразличие им. падежа к форме переходного глагола или типу инфинитивного сочетания характерно для тех говоров (средне- и южнорусских), где рассмат-

риваемые конструкции отмечаются лишь спорадически; говоры же, в которых случаи объектного употребления им. падежа единственного числа существительных женского рода фиксируются как регулярные или хотя бы нередкие (северно-русские и частично западные среднерусские), отличает высокая относительная частотность именно тех конструкций, которые были для им. падежа объекта исходными, – конструкций с инфинитивом, не зависящим от другой глагольной формы, – употребление им. падежа объекта в этих говорах предстает как явление, еще не прорвавшее связи с предложеческим уровнем" [10, 13].

Как видим, в наших говорах, где явление относительно регулярно, связь с предложеческим уровнем не утрачивается и в тех случаях, когда форма на *-a* оказывается не при инфинитиве, а при личной форме глагола.

Другими яркими диалектными синтаксическими различиями являются конструкции с причастиями с суффиксами *-н-*, *-т-*, соотносительными с непереходными глаголами (*уйдено, женено*).

В онежских говорах наиболее частотными они оказываются на северном побережье Онежского озера [11, 172]. Именно здесь отмечены все известные к настоящему времени способы выражения семантического субъекта. Это и широко употребляемый не только на рассматриваемой территории субъектный детерминант *у + род. падеж имени*, ср.: *у этих приехано, косят в деревне* (Кузаранда); *теперь уж у Тани записанось в стройотряд, дак не передумат* (Шуньга). И спорадическая форма тв. падежа: *мной туды перейдено* (Кузаранда); здесь за земляницей людьми хожено (Космозеро). Редкие случаи употребления род. падежа субъекта: *Сюды народ-то понаехано было* (Выгостров). Только на рассматриваемой территории зафиксированы примеры с дат. падежом субъекта: *нам привыкнуто* (Белозино); *не поважено нам супы есть* (Сенная Губа); *а нам опаважено работать* (Космозеро). Чаще, чем на других территориях, представлены двусоставные конструкции с им. падежом субъекта без координации главных членов: *у меня внук из Медвежки приехано* (Загорье); *гостиya придано* (Кузаранда). Только на северном побережье Онежского озера зафиксированы двусоставные конструкции с координированными главными членами: *мы были перееханы в 1939 году* (Шуньга); *я привыкнута работать* (Загубье).

Конструкции с устраниенным субъектом типа *уйдено* могут выражать действие неопределенного лица, равно как и определенного, который может быть восстановлен из контекста: *в соседнем доме уехано в прошлом году* (Шутиково); *все жалели туу деревню – там дольше жито* (Вороний Остров); *к ей приехано давно* (Толвяя); *поехала к врачу, а врача не было, уехано в Толвяю* (Падмозеро); *она за ним за молодым лейтенантиком поехала, и все шатались, вслед ездено* (Толвяя).

По-видимому, данные типы конструкций не являются архаизмами, так как они не нашли отражения в ранних памятниках письменности. Частные же особенности в реализации явлений, которые можно наблюдать в говорах северного побережья Онежского озера, – при учете занимаемой территории – позволяют ставить вопрос о возможности иноязычного влияния.

Типологически сходными оказываются русские диалектные конструкции типа *надо косить трава*, *коси трава* и *косили трава* и финские: tätyy niittää heinä, heinä piittäään, piitä heinä с номинативным прямым объектом. Особое внимание обратим на пассивную финскую конструкцию с неопределенno-личным значением: heinä piittäään.

Русские диалектные обороты типа *придено* возможно соотнести с перфектными формами финского пассива *on* (*oli*) *tultu*, обладающими неопределенno-личным значением, которое обнаруживается и в русских диалектных предложениях типа *в том доме уехано давно*.

Таким образом, сопоставление синтаксических явлений в русских говорах и финском языке дает основание допустить мысль о влиянии со стороны финского пассива, сказавшемся как на структурном своеобразии, так и на семантике русских диалектных конструкций.

Л и т е р а т у р а

1. Захарова К.Ф., Орлова В.Г. Диалектное членение русского языка. М., 1970.
2. Дурново Н.Н., Соколов Н.Н., Ушаков Д.Н. Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением очерка русской диалектологии // Труды Московской диалектологической комиссии. М., 1915. Вып. 5.
3. Рыбников П.Н. Об особенностях олонецкого подноречия // Песни, собранные П.Н.Рыбниковым: В 3 т. М., 1910. Т. 3. С. 336–350.
4. Шайэсин Н.С. Говоры Прионежья // Северный край. Вологда, 1922. Кн. 2. С. 11–23.
5. Даля Т.Г. Синтаксические особенности говора Заонежья Карельской АССР // Лингвистический сборник. Петрозаводск, 1962. Вып. 1. С. 54–65.
6. Алексина Л.Н. Из материалов для регионального атласа русских говоров Карелии // Северно-русские говоры. Л., 1975. Вып. 2. С. 59–65.
7. Маркова Н.В. Диалектные способы выражения семантического субъекта и объекта в онежских говорах и их история: Автореф. дисс. канд. филол. наук. М., 1989.
8. Трубинский В.И. Очерки русского диалектного синтаксиса. Л., 1984.
9. Кузьмина И.Б., Немченко Е.В. К вопросу о конструкциях с формой им. падежа имени при переходных глаголах и при предикативных наречиях в русских говорах // Вопросы диалектологии восточнославянских языков. М., 1964. С. 151–175.
10. Кузьмина И.Б. Синтаксис русских говоров в лингвогеографическом аспекте. М., 1993.
11. Саркова Н.В. К вопросу о конструкциях с причастными формами, образованными от основ непереходных глаголов с помощью суффиксов *-н-*, *-т-* в онежских говорах // Русские диалекты: Лингвогеографический аспект. М., 1987. С. 167–173.